

ЗОЛОТАЯ ВЕТВЬ ИССЛЕДОВАНИЕ МАГИИ И РЕЛИГИИ

ГЛАВА XXXVIII МИФ ОБ ОСИРИСЕ

В Древнем Египте богом, чья смерть и воскресение торжественно отмечались каждый год, был Осирис, самый популярный из богов египетского пантеона. <...>

Осирис был плодом любовной связи земного бога Себа (иногда его имя передается как Кеб или Геб) с небесной богиней Нут. Греки отождествляли родителей Осириса со своими Кроносом и Реей. Когда бог солнца Ра узнал, что его жена Нут ему изменила, он разгневался и заявил, что не будет такого месяца, такого года, когда она смогла бы разрешиться от бремени. Но другой возлюбленный богини, бог Тот (по греческой терминологии — Гермес), выиграл у Луны в шашки одну семьдесят вторую часть каждого дня и, сложив из этих частей пять полных дней, прибавил их к египетскому календарному году, то есть к тремстам шестидесяти дням. Так миф объясняет происхождение тех пяти дополнительных дней, которые египтяне в конце каждого года добавляли для того, чтобы привести лунный год в соответствие с солнечным. В течение этих пяти дней, считавшихся как бы прибавкой к двенадцати месяцам года, проклятие бога солнца не действовало. В первый из этих дней и родился Осирис. В момент его рождения трубный голос провозгласил, что в мир пришел господь всемогущий. Некто Памил, говорят, услышал из фиванского храма голос, громогласно возвестивший о том, что родился великий владыка, благодетельный Осирис. Однако Осирис не был единственным ребенком. Во второй дополнительный день Нут родила Гора — старшего, в третий — Сета (греки звали его Тифоном), в четвертый — богиню Исиду, в пятый — богиню Нефтиду. Позднее Нефтида стала женой Сета, а Исида — женой Осириса.

Царствуя на земле, Осирис вывел египтян из состояния дикости, дал им законы и научил почитать богов. До него у египтян процветало людоедство. Жена и сестра Осириса Исида нашла дикорастущую пшеницу и ячмень, а Осирис ввел обработку этих злаковых культур у египтян, которые с этого времени перестали заниматься каннибальством и покорно перешли на хлебный рацион. Известно также, что Осирис положил начало сбору плодов с деревьев, первым начал подпирать виноградные лозы и давить виноград. Горя желанием приобщить к этим полезным открытиям весь человеческий род, он передал бразды правления в Египте своей жене Исиде и стал

путешествовать по всему миру, распространяя всюду дары культуры и земледелия. Жителей стран, в которых выращиванию винограда препятствовала суровость климата или бесплодие почвы, он за неимением вина научил утешаться ячменным пивом. В Египет Осирис возвратился, нагруженный богатствами, которыми его осыпали благодарные народы: повсеместно его встречали с божескими почестями как благодетеля человечества. Но его брат Сет (Тифон) вкупе с семьюдесятью двумя другими богами вступил в заговор против него. Тайком сняв мерку с тела своего брата, коварный Тифон изготовил изукрашенный ящик того же размера. Однажды, когда все пили и веселились, Тифон принес свой сундук и в шутку пообещал подарить его тому, кому он придется впору. Но он не подходил никому из участников пира. Последним в него лег Осирис. В этот момент заговорщики подбежали, захлопнули крышку сундука, спешно заколотили ее и выбросили сундук в Нил. Это случилось в семнадцатый день месяца атира, когда солнце входит в созвездие Скорпиона, на двадцать седьмом году правления (или жизни) Осириса. Когда весть об этом дошла до Исида, она срезала прядь своих волос, облачилась в траурные одежды и в безутешном горе стала ходить повсюду, разыскивая тело.

По совету бога мудрости Исида нашла прибежище в зарослях папируса в дельте Нила. В бегстве ее сопровождали семь скорпионов. Однажды вечером усталая богиня пришла в дом одной женщины, которая захлопнула перед ней дверь, придя в ужас при виде скорпионов. Один из скорпионов тут же пролез под дверь и смертельно ужалил сына этой женщины. Причитания матери тронули сердце Исида, она возложила руки на ребенка и произнесла заклинания, яд вышел из ребенка, и он ожил. Позднее сама Исида родила сына среди нильских топей. Она зачала его, обратившись в ястреба и пролетая над трупом своего супруга. В детстве новорожденного Гора-младшего звали Гарпократом, что значит ребенок гор. От ярости коварного Тифона его скрыла богиня Севера Буто. Но оградить его от всех напастей она не смогла, и, когда однажды Исида возвратилась в укрытие, она застала своего маленького сына распростертым на земле, безжизненным и недвижимым. Мальчика ужалил скорпион. Исида обратилась с молитвой о помощи к богу солнца Ра. Тот, вняв ее мольбам, остановил свой небесный корабль и послал на землю Тота, чтобы он научил ее заклинанию, с помощью которого можно было вернуть к жизни ее сына. Исида произнесла могучие заклинания, яд тут же покинул тело Гора, в него вошел воздух, он ожил. После этого Тот вознесся на небо, занял свое место на корабле солнца, и блестящий кортеж богов с криками ликования понесся дальше.

Тем временем ящик с телом Осириса проплыл вниз по течению реки в море и плавал до тех пор, пока наконец не был выброшен на берег Сирии в районе города Библоса. На том месте, где он причалил, мигом выросло дерево эрика (*erica*), скрывшее сундук в своем стволе. Местный царь, пораженный величиной дерева, приказал срубить его и сделать из него

опорную балку для своего дома. Он и не подозревал о том, что дерево заключает в себе сундук с телом покойного Осириса. Слух об этом дошел до Исида. Она отправилась в Библос, и в бедной одежде села у колодца с мокрым от слез лицом. Исида ни с кем не заговаривала до тех пор, пока не пришли царские служанки. Она приветливо поздоровалась с ними и расчесала им волосы, обдав их чудесным запахом своего божественного тела. Когда царица увидела косы служанок и почувствовала исходящее от них благоухание, она послала за чужестранкой, приняла ее у себя в доме и сделала кормилицей своего ребенка. Но вместо груди Исида давала ребенку сосать свой палец, а ночью принялась сжигать все, что в нем было смертного, одновременно в виде ласточки порхая вокруг столба с телом мертвого мужа и брата и жалобно щебеча. Но царица подсматривала за ней и при виде объятого пламенем ребенка испустила крик, который и помешал ему обрести бессмертие. Тогда богиня открылась и попросила отдать ей балку, поддерживающую крышу. Когда ее желание было удовлетворено, она вырезала из ствола сундук, упала на него и, обняв, стала так громко причитать, что младший ребенок царя от страха умер на месте. Ствол дерева богиня завернула в тонкое полотно и, умастив его, передала царю и царице. Дерево и поныне стоит в храме Исида и до сих пор является для жителей Библоса предметом культа. А сама Исида погрузила сундук в лодку и отплыла вместе со старшим сыном царя. Как только они остались одни, она открыла сундук и, припав лицом к лицу мужа, стала целовать его и рыдать. Ребенок осторожно подкрался к ней сзади и увидел, что она делала. Богиня повернулась к нему и бросила такой гневный взгляд, что мальчик не смог его выдержать и умер. Впрочем, если верить другим источникам, он просто упал в море и утонул. Песню об этом юноше, Манеросе, египтяне поют на пирах.

Исида спрятала сундук и отправилась повидать своего сына Гора в городе Буто. И вот однажды ночью в полнолуние Тифон, охотясь на вепря, обнаружил этот сундук. Он опознал тело и, разрезав его на четырнадцать кусков, разбросал их на все четыре стороны. В поисках частей тела Осириса Исида вдоль и поперек исколесила на папирусной лодке болотистые заводи Нила. Поэтому крокодилы и теперь из страха и почтения к богине не трогают людей, которые плавают в папирусных лодках. По той же причине в Египте так много могил Осириса: ведь каждую часть его тела Исида хоронила там, где ее находила. По другим сведениям, она зарыла в каждом городе по статуе, выдавая ее за тело бога, чтобы учредить культ Осириса во многих местах и чтобы Тифон, если ему придет в голову пуститься на поиски настоящей могилы Осириса, не смог ее найти. «Исиде, — пишет историк Диодор Сицилийский¹, — удалось найти все части тела Осириса, за исключением гениталий, а так как богиня желала, чтобы местоположение могилы ее мужа оставалось неизвестным и чтобы она почиталась всеми

¹ Диодор Сицилийский (ок. 90—21 гг. до н. э.) — древнегреческий историк.

жителями Египта, она прибегла к следующему приему. Она из воска и пряностей вылепила статуи Осириса в человеческом образе в натуральную величину, положив внутрь одну из частей его тела. Затем она созвала жрецов из всех родов и заставила их поклясться, что они никому не доверят тайны, которую она им откроет. Потом каждому из них она по секрету сообщила, что ему одному доверяет захоронить тело, и, напомнив о полученных (от Осириса) благодеяниях, убедительно просила захоронить тело в своей стране и почитать Осириса как бога. Она также просила их посвятить ему какое-нибудь животное в своей стране (на их выбор), почитать его при жизни так же, как в прошлом они почитали Осириса, и похоронить с равными почестями. А так как ей хотелось поощрить жрецов в их собственных интересах воздать ему указанные почести, она отдала в распоряжение этих служителей культа одну треть всех египетских земель. Известно, что памятуя о благодеяниях Осириса, желая угодить царице, а также из жадности наживы, жрецы полностью выполнили заветы Исиды. Каждый из них до сих пор воображает, что Осирис похоронен в его стране, почитает посвященных Осирису животных, а на их похоронах заводит плач по Осирису. Осирису были посвящены священные быки Апис и Мневис. Всем египтянам было приказано поклоняться им как богам, потому что эти животные больше всех других помогали первым хлебопашцам во время посева и с ними связаны великие блага от земледелия».

Таков миф об Осирисе в передаче греческих авторов, дополненный фрагментарными замечаниями и ссылками, извлеченными из египетской литературы. Длинная надпись, сохранившаяся на Дендерском храме, донесла до нас список могил бога, а другие тексты содержат упоминания о частях его тела — священных реликвиях каждого из святилищ. Сердце его хранилось в Атрибии, позвоночник — в Бусирисе, шейная часть — в Летополе, а голова — в Мемфисе. Число божественных членов тела Осириса, как это часто бывает в таких случаях, чудесным образом умножилось. Голова его, к примеру, оказалась одновременно в Абидосе и в Мемфисе, а ног бога хватило бы на нескольких простых смертных. Впрочем, в этом отношении Осирис не шел ни в какое сравнение со святым Денисом, от которого сохранилось семь равно подлинных его голов.

По сведениям египетских источников, которые дополняют рассказ Плутарха, Исида, когда она нашла труп Осириса, вместе со своей сестрой Нефтидой завели поминальный плач, который позднее стал прототипом всех египетских причитаний по умершим. <...>

Причитания сестер не пропали даром. Сжалившись над их горем, бог солнца Ра послал с небес бога Анубиса с головой шакала, и с помощью Исиды, Нефтиды, Тота и Гора он составил из кусков тело мертвого бога, спеленал его полотняными повязками и совершил над ним все обряды, которые египтяне совершали над телами покойников. После этого Исида подняла остывшую пыль взмахом своих крыльев, Осирис ожил и стал

править в царстве мертвых. Там он носит титулы Господина Подземного Мира, Хозяина Вечности и Владыки Умерших. Там в обществе сорока двух советников восседал он в великом зале двух истин и судил души умерших, которые торжественно исповедовались перед ним, и, после того как сердце их было взвешено на весах справедливости, получали вечную жизнь в награду за добродетель или надлежущую кару за грехи свои.

Египтяне видели в воскресении Осириса залог вечной жизни в загробном мире для самих себя. Они верили, что каждый человек будет жить в потустороннем мире вечно, если только его друзья, оставшиеся в живых, проделают над его телом все те операции, которые боги проделали над телом Осириса. Поэтому египетские похоронные обряды представляли собой точную копию обрядов, которые Анубис, Гор и другие боги совершили над трупом этого бога. «На всех похоронах разыгрывалась божественная мистерия, которую в древности исполнили над Осирисом, когда сыну, сестрам и друзьям, собравшимся у его изувеченных останков, с помощью заклинаний и других чар удалось превратить изломанное тело бога в мумию, которую они затем оживили, дав ей возможность начать новую жизнь по ту сторону могилы. Роль мумии выпала Осирису, роль профессиональных плакальщиц — его сестрам Исиде и Нефтиде, роль зрителей — Анубису, Гору и другим богам». Любой покойник у египтян отождествлялся с Осирисом и носил его имя. Начиная со Среднего Царства, у них установилась практика обращения к мертвому, как если бы он был самим богом «Осирисом таким-то», к чему прибавлялся эпитет «правдиворечивый», потому что правдивость в речах была присуща Осирису. Тысячи могил с рисунками и надписями, вскрытых в долине Нила, доказывают, что таинство воскресения совершалось над каждым покойным египтянином: как умер и восстал из мертвых Осирис, так надеялись перейти к вечной жизни и простые смертные.

Итак, согласно египетскому преданию. Осирис был благим и горячо любимым царем, умершим насильственной смертью, но восставшим из мертвых и с тех пор почитаемым как божество. <...>

ГЛАВА XXXIX ОБРЯДОВЫЙ ЦИКЛ, СВЯЗАННЫЙ С ОСИРИСОМ

Народные обряды. Нередко время года, на которое приходится праздник того или иного бога или богини, служит ключом к пониманию его или ее изначальной природы. Так, если праздник приходится на новолуние или на полнолуние, можно с основанием предположить, что соответствующее божество является луной или, по крайней мере, как-то с ней связано. Если же время праздника совпадает с зимним или летним солнцестоянием, естественно предположить, что богом этим является солнце

или что он находится с этим светилом в тесной связи. Равным образом, если время проведения праздника совпадает со временем посева или жатвы, это наводит на мысль, что данное божество служит воплощением земли или зерна.

<...>

Египтяне еще на заре истории занимались земледелием и добывали средства к жизни от своих посевов. Они жили выращиванием и обработкой пшеницы, ячменя и, по всей вероятности, сорго, или дурра, как называют его современные феллахи. В Древнем (да и в современном) Египте, за исключением узкой полосы земли на берегу Средиземного моря, почти не выпадало осадков, так что сказочное плодородие этой земли полностью зависело от ежегодных разливов Нила. Вода доставлялась на поля при помощи сложной системы дамб и каналов и каждый год приносила с собой новый слой служившего удобрением ила, смытого с гор Абиссинии и принесенного из районов великих озер экваториальной Африки. Поэтому египтяне всегда ждали подъема воды в Ниле с крайним беспокойством. Ведь если вода не поднимется до определенного уровня или поднимется выше его, голод и мор неизбежны. Подъем воды начинается в начале июня, но набирает силу лишь во второй половине месяца. Своей высшей точки уровень воды достигает в конце сентября. В такое время затопленная страна напоминает скорее водную стихию, на фоне которой, подобно островам, возвышаются построенные на возвышенностях города и селения. Приблизительно в течение месяца уровень воды остается неизменным, а затем начинает идти на убыль: отлив продолжается до тех пор, пока в декабре-январе река не входит в свое обычное русло. С приближением лета уровень воды в Ниле продолжает спадать. В начале июня Нил вдвое уже обычного, и, палимый солнцем, много дней подряд обдуваемый ветром Сахары, Египет становится как бы продолжением пустыни. Деревья задыхаются под плотным слоем серой пыли. В непосредственной близости от селений, на клочках земли, с трудом орошаемых жителями, борются за жизнь чахлые овощи. Какое-то подобие зелени сохраняется лишь по обочинам каналов да в углублениях, из которых не успела испариться влага. Бесплодная пыльная долина пепельного цвета, на всем протяжении изборожденная сетью трещин и выбоин, задыхается под палящими солнечными лучами. С середины апреля до середины июня египетская земля в ожидании «нового Нила» представляется полуживой.

На протяжении долгих веков труд египетских крестьян зависел от этого природного цикла. Сельскохозяйственный год у египтян начинался со срытия плотин, препятствовавших Нилу затопить во время половодья поля и каналы. Работы по освобождению русла запруженной реки проводятся в первой половине августа. В ноябре, когда вода спадает, приступают к севу пшеницы, ячменя и сорго. Пора жатвы на севере наступает приблизительно на месяц позже, чем на юге. В Верхнем, или Южном, Египте сбор ячменя

приходится на начало марта, пшеницы — на начало апреля, а сорго — примерно на конец того же месяца.

Египетский крестьянин, естественно, отмечал различные события сельскохозяйственного года простыми обрядами, имевшими целью призвать благословение богов за свои труды. Эти деревенские празднества из года в год отмечались в одно и то же время, торжественные же мистерии жрецов продолжали в зависимости от скользящего календаря передвигаться с летнего периода на зимний и обратно. Неизменность сельскохозяйственных праздников покоилась на непосредственном наблюдении природы, а смещения в жреческом ритуальном цикле были вызваны тем, что в основе их лежали неверные расчеты. Впрочем, многие жреческие праздники, вероятно, были не чем иным, как древними сельскими торжествами, в течение веков до неузнаваемости изменившимися под воздействием разработанного церковного ритуала и утратившими (из-за ошибок в календаре) свою связь с сезонным циклом.

То немногое, что нам известно о египетской народной и государственной религии, говорит в пользу такой гипотезы. Нам, к примеру, известно, что праздник Исиды египтяне отмечали в начале разлива Нила. Богиня, верили они, оплакивала в это время Осириса, и от слез, льющихся из ее глаз, вода в реке стремительно прибывала. И если в одной из своих ипостасей Осирис действительно был богом злаков, нет ничего более естественного, чем его оплакивание в период летнего солнцестояния. К этому моменту урожай был собран, вода в реке спала, и вместе со смертью бога злаков, казалось, приостановила свой ход сама жизнь. В такое время люди, видевшие в том или ином течении природных процессов дело рук божьих, могли легко установить связь между подъемом воды в священной реке и слезами, которые богиня пролила по случаю смерти своего мужа, благодатного бога посевов.

Подъем воды на земле сопровождался знаменем с небес. Во время летнего солнцестояния, когда в Ниле начинает прибывать вода, перед самым восходом солнца на востоке загоралась ярчайшая из неподвижных звезд — блестящий Сириус. Так, по крайней мере, было в III—IV тысячелетиях до нашей эры. Египтяне называли Сириус Сотисом и считали его звездой Исиды, подобно тому как вавилоняне связывали Венеру с Астартой. При виде блестящего светила на утреннем небе обоим этим народам, видимо, казалось, что это богиня жизни и любви пришла оплакивать умершего возлюбленного и супруга и воскресить его из мертвых. По той же причине восход Сириуса означал у египтян начало священного года, и в честь этого события устраивался праздник, дата проведения которого не менялась в зависимости от передвижений в официальном египетском календаре.

В Египте главным событием года является срывание дамб и пуск воды в каналы и на поля. В Каире это событие, как правило, имело место между 6 и 16 августа и до недавнего времени сопровождалось ритуалами, которые

заслуживают упоминания, потому что, скорее всего, перешли к нам от седой древности. Когда-то такой канал, называвшийся Калиж, проходил через Каир. Перед входом в город путь каналу преграждала земляная плотина, очень широкая внизу, но сужающаяся кверху (ее воздвигали обычно перед началом разлива Нила или сразу же после него). На одном берегу реки перед плотинной возвышалась над землей фигура в виде усеченного конуса. Эту фигуру называли *aroosch* («невеста») и вершину ее, как правило, засеивали небольшим количеством маиса или проса. Поднимающаяся вода, как правило, начинала омыwać «невесту» за одну-две недели до открытия плотины.

Предание гласит, что когда-то в древности бытовал обычай одевать юную девушку в нарядное платье и приносить ее в жертву Нилу, для того чтобы река широко разлилась. Цель этого обычая заключалась в том, чтобы отметить бракосочетание Нила, понятого как мужское начало, с нивой, которую вскоре предстояло оплодотворить водой. То есть речь шла о магическом обряде, предназначенном вызвать рост посевов. В новое время по такому случаю в канал обычно бросали монеты, и простолудины ныряли за ними. Последний обычай, видимо, также довольно древний, потому что у Сенеки имеется указание на то, что неподалеку от Фив, в местечке, называвшемся Нильские Жилы, жрецы бросали в реку монеты и золотые предметы во время праздника, который отмечал начало притока воды.

Следующим крупным сельскохозяйственным мероприятием в Египте является посадка семян в ноябре, когда вода уже схлынула с полей. У египтян, как и у многих других народов древности, предание семени земле выливалось в торжественный траурный ритуал. Вот что писал по этому поводу Плутарх: «Зачем нужны эти безрадостные, траурные жертвоприношения, если заблуждением является, с одной стороны, пренебрежение традиционной обрядовостью, а с другой — завуалирование наших представлений о богах нелепыми подозрениями? Ведь и греки справляют множество обрядов, сходных с обрядами египтян, и делают это приблизительно в то же самое время. Так, на празднике Тесмофорий в Афинах женщины сидят на земле и постятся. А беотийцы открывают (в этот день) склеп Скорбящей, называя этот праздник праздником скорби, потому что в этот день Деметра скорбит о нисхождении Девы в мир теней. Этот праздник приходится на месяц посева и почти совпадает с заходом Плеяд. Египтяне зовут этот месяц атиром, афиняне — пианепсионом, а беотийцы — месяцем Деметры... В это время года они видели, как увядают и падают с деревьев плоды, и сами с трудом и неохотно сеяли другие растения, царапая землю руками и поспешно зарывая ее (ямки) в смутной надежде, что посеянное когда-то взойдет и созреет. То есть их действия были во многом похожи на действия людей, которые погребают покойников».

Мы уже знаем, что в Египте урожай собирают не осенью, а весной: в марте, апреле и мае месяце. Казалось бы, время сбора урожая, особенно

когда он обильный, должно быть для земледельца радостным: ведь он приносит домой снопы зерна и получает тем самым вознаграждение за долгий и напряженный труд. Но все не так просто. Если крестьянин в Древнем Египте и чувствовал тайную радость во время жатвы и засыпки зерна в закрома, то, видимо, считал необходимым скрывать это естественное чувство под покровом глубокого уныния. И правда: разве он, крестьянин, не разрезал плоть бога зерна своим серпом и не топтал ее копытами животных на гумне? Поэтому египетские жнецы, следуя древнему обычаю, бьют себя в грудь и громко причитают над первым срезанным снопом, обращаясь с мольбой к Исиде. Моление это принимает форму траурного песнопения, которому греки дали название *Maneros*. Такого же рода жалобные напевы исполнялись жнецами в Финикии и в других областях Западной Азии. Эти скорбные мелодии были предназначены, видимо, для оплакивания бога зерна, находящего смерть под серпами жнецов. Умерщвляемым божеством египтян был Осирис. Название погребальной песни — «Манерос» — является, по всей вероятности, производным от греческих слов «Вернись домой!» — слов, которые часто встречаются в причитаниях по мертвому богу.

Вероятно, с той же целью аналогичные обряды соблюдали и другие народы. Как известно, в домашнем хозяйстве и ритуальной организации племени индейцев-чероков главное место из зерновых культур занимает маис. Индейцы называют его Старуха, так как, если верить мифу, маис появился из крови старой женщины, убитой непокорными сыновьями. По окончании жатвы жрец в сопровождении своего помощника идет в поле и там пением вызывают дух зерна. После этого слышится громкий шелест, который якобы производит Старуха, несущая в поле хлеб. Тропинка, ведущая от поля к дому, была всегда расчищена, «чтобы побудить маис остаться дома и не пускаться в дальние странствия». «Другой любопытный обряд — сейчас даже его название едва могут припомнить — совершался после первой обработки зерна: тот, кому принадлежало поле (или жрец), поочередно становился в каждый из четырех углов поля и громко причитал. Ныне даже жрецы не помнят, с какой целью совершалось это представление, бывшее, вероятно, плачем по погибшей кровавой смертью Селу, то есть Старухе. Причитания и взывания к Хлебной Старухе в этих черокских обрядах напоминают египетские причитания над первым снопом и обращения к Исиде, которая в одной из своих ипостасей также, вероятно, была Хлебной Старухой. Кроме того, мера предосторожности, которую принимают чероки, расчищая тропинку от поля к дому, похожа на обращенное к египетскому богу Осирису приглашение возвратиться домой. До настоящего времени жители островов Индонезии прибегают к сложным обрядам для того, чтобы привести с полей в амбар дух риса. В сентябре, когда созревает зерно элевсины, нанди (Восточная Африка) устраивают следующую церемонию. Каждая владелица плантации в сопровождении

своих дочерей отправляется в поле и разжигает там костер из ветвей и листьев определенных видов деревьев. После этого они срывают немного зерна, и каждая женщина вкладывает по зернышку в свое ожерелье, а остальное зерно разжевывает и втирает в кожу на лбу, шее и груди. При этом женщины не проявляют никакой радости, а с выражением скорби на лицах нарезают корзину зерна и, принеся ее домой, кладут наверх сушиться».

Представление о смерти духа зерна во время жатвы нашло свое прямое отражение в обычае, соблюдаемом арабским населением Моаба. Когда жатва близится к завершению и остается убрать зерно на маленьком участке поля, владелец поля берет в руки сноп пшеницы. Затем вырывают яму в виде могилы и, как на обычных похоронах, вертикально ставят в нее два камня: один — в изголовье, а другой — в ноги. После этого сноп погружают на дно могилы, и шейх произносит слова: «Старик мертв». Затем сноп засыпают землей, повторяя молитву: «Да ниспошлет нам Аллах пшеницу покойного».

Государственные обряды. Таковы основные события в календаре древнеегипетского земледельца и те незамысловатые религиозные обряды, с помощью которых их отмечали. Нам остается сообщить о связанных с Осирисом праздниках по официальному календарю. Они описаны греческими авторами и запечатлены в памятниках. При этом не следует упускать из виду тот факт, что, по крайней мере до принятия александрийского календаря в 30 году до нашей эры, подлинные даты проведения официальных праздников по причине подвижности древнеегипетского календаря ежегодно сдвигались. С 30 года до нашей эры праздники стали устраиваться по новому календарю, и их круговращение прекратилось. Во всяком случае, на то, что цикл праздников более не изменялся, указывают работы Плутарха, писавшего в конце 1 века нашей эры. Хотя этот автор прямо об александрийском календаре не упоминает, но датирует праздники он именно по нему. Кроме того, на александрийском календаре основывается еще один важный памятник императорской эпохи — подробный еснский (*Esne*) календарь праздников, первый день Нового года в нем, как и в александрийском календаре, приурочен к 29 августа; подтверждают это предположение также содержащиеся в нем сведения о паводке Нила, об обращении солнца и сельскохозяйственных работах. Все эти данные свидетельствуют в пользу того, что начиная с 30 года до нашей эры египетские праздники определялись строго по солнечному календарю.

По сообщению Геродота², могила Осириса находилась в городе Саисе (Нижний Египет); там же расположено озеро, на котором ночью страдания бога инсценировались в виде мистерии. Это поминовение страстей господних происходило один раз в году: люди, чтобы показать глубину своей скорби по случаю смерти бога, рыдали и били себя в грудь. Из храмовых покоев в этот день выносили позолоченную статую коровы с золотым

² Геродот (между 490 и 480 — ок. 425) — древнегреческий историк.

солнцем между рогами. Корова, это священное животное Исиды, конечно, воплощала саму богиню, которую часто изображали с коровьими рогами на голове и даже как женщину с головой коровы. Вынос статуи коровы символизировал, вероятно, поиски богиней тела мертвого Осириса. Так, во всяком случае, сами египтяне объясняли аналогичную церемонию (во времена Плутарха ее приурочивали к зимнему солнцестоянию), во время которой корову семь раз обводили вокруг храма. Характерной чертой этого праздника была ночная иллюминация. К внешним стенам домов рядами привязывали лампы, которые горели всю ночь. Этот обычай соблюдался не только в Саисе, но и во всем Египте.

Освещение на одну ночь всех домов наводит на мысль о том, что этот праздник был днем поминовения усопших, то есть служил поминовению не одного Осириса, но вообще всех умерших. Ведь согласно широко распространенному поверью, духи покойников один раз в году ночью навещают свои прежние жилища; готовясь к этому торжественному событию, люди специально для душ откладывают про запас пищу и от могилы до дома зажигают длинный ряд ламп. Геродот, у которого мы почерпнули краткое описание этого праздника, не указывает точного времени его проведения, но мы можем с некоторой долей вероятности установить эту дату по другим источникам. Плутарх, например, пишет, что Осирис был умерщвлен семнадцатого дня месяца атира, следовательно, с этого числа египтяне и начинали справлять по нему четырехдневные поминальные обряды. По александрийскому календарю, которым пользовался Плутарх, эти дни соответствуют 13, 14, 15 и 16 ноября. Эта дата хорошо согласуется с другими данными, приводимыми Плутархом. Они сообщают, что в это время вода в Ниле начинала идти на убыль, северный ветер утихал, ночи становились длиннее, и с деревьев падали листья. На эти четыре дня на обозрение выставлялось изображение Исиды: позолоченная корова, спеленатая черной мантией. Об этой статуе, несомненно, и шла речь у Геродота. В девятнадцатый день месяца жители спускались к морю, куда жрецы приносили алтарь с золотым ларцом внутри. В этот ларец они наливали проточную воду, после чего зрители начинали кричать, что Осирис найден. Затем жрецы брали немного перегноя, перемешивали его с изысканными пряностями и благовониями и вылепливали из получившейся смеси небольшое изображение луны, которое затем обряжали и украшали.

Целью ритуалов, описываемых Плутархом, видимо, было представить в драматической форме, во-первых, поиски тела мертвого Осириса, во-вторых, радость его нахождения, за которым последовало воскресение бога в вегетативной форме (в виде пряностей и перегноя). У Лактанция можно прочесть о том, как на празднике Осириса жрецы с обретыми телами били себя в грудь и причитали, изображая скорбный путь богини Исиды в поисках тела ее сына Осириса, как их скорбь сменилась радостью, когда Анубис, бог с шакальей головой, — точнее, играющий его роль актер — производил на

свет мальчика, живое подобие потерянного и найденного бога. Лактанций, как видим, считал Осириса не мужем, а сыном Исиды. Кроме того, он ни словом не обмолвился о кукле, вылепленной из перегноя, не исключено, что мальчик, принимавший участие в священной мистерии, выступал не в роли Осириса, а в роли его сына Гора. Но равным образом возможно — если учесть, что праздник смерти и воскресения бога отмечали во всем Египте, — что роль возвращенного к жизни бога играла не какая-нибудь марионетка, а живой актер. Другой христианский автор описывает, как каждый год египтяне с обритыми головами причитали над захороненным идолом Осирисом, бия себя в грудь, хлеща по плечам, вскрывая старые раны. Это беснование продолжалось в течение нескольких дней, пока наконец не объявляли о нахождении искалеченных останков бога. При этом известии наступало всеобщее ликование. Хотя в разных областях Египта исполнение этого обряда отличалось специфическими особенностями, нахождение тела бога и возвращение его к жизни неизменно были кульминационными пунктами праздничного цикла египтян. Многие античные авторы сообщают о ликующих криках, которыми верующие встречали известие о воскресении Осириса.

Описание того, как справлялись обряды погребения Осириса в шестнадцати египетских провинциях, содержится в подробной надписи эпохи Птолемеев³, вырезанной на стене храма Осириса в городе Дендере (по-гречески Тентире), в Верхнем Египте, расположенном на восточном берегу Нила, приблизительно в сорока милях к северу от Фив. <...>

Погребальный обряд продолжался в течение восемнадцати дней — с двенадцатого по тридцатое число месяца койака, — и Осирис был представлен при этом в трех ипостасях: бога мертвого, бога, разорванного на части, и бога, восстановленного путем соединения его членов. В первой из этих ипостасей он носил имя Хент-Амент (Кенти-Аменти), во второй звался Осирисом-Сепом, а в третьей — Сокари (Секером). Статуэтки этого бога лепили из песка или перегноя, смешанного с зерном, к которому добавляли благовония. Его лицо разрисовывали в желтый цвет, а скулы — в зеленый. Затем статуэтки бога отливали из чистого золота, бог был изображен в виде мумии с белой короной Египта на голове. Праздник открывался двенадцатого числа месяца койака обрядом пахоты и сева. В плуг, изготовленный из древесины тамариска, с лемехом из черной меди впрягали двух черных коров. Мальчик разбрасывал семена. Один конец поля засеивали ячменем, другой — пшеницей, а середину — льном. В это время главный жрец декламировал главу из ритуальной книги о засеивании полей. В Бусирисе двенадцатого койака в сад бога — что-то вроде большого цветочного горшка — клали немного песка и ячменя. Эта церемония совершалась в присутствии

³ Птолемеи (Лагиды) — царская династия, правившая в эллинистическом Египте в 305—330 годах до нашей эры.

богини-коровы Шенти. Внутри изваяния богини из позолоченного платанового дерева находилось изображение обезглавленного человека. Из золотой вазы, наполненной водой только что разлившегося Нила, обливали богиню и сад. Ячмень выращивали как символ воскресения бога после его захоронения в земле, «так как рост сада и прирост божественной субстанции — это одно и то же». Двадцать второго числа месяца койака в восемь часов скульптура Осириса в сопровождении изображений тридцати четырех других богов отправлялась в таинственное плавание на тридцати четырех папирусных лодочках, освещенных огнями трехсот шестидесяти пяти ламп. Двадцать четвертого койака после захода солнца статую Осириса в гробу из тутового дерева опускали в могилу, а в девять часов вечера прошлогоднюю статую вынимали и клали на ветви платанового дерева. Наконец, тридцатого дня месяца койака все отправлялись к подземным покоем святой гробницы, над которыми пробивалась рощица священных фруктовых деревьев. Войдя под своды гробницы через западную дверь, участники торжества с трепетом возлагали на песчаную постель гроб с изображением мертвого бога. Здесь они оставляли гроб и покидали гробницу через восточную дверь. На этом обряды в месяце койак заканчивались.

В этом отчете о празднике Осириса, извлеченном из подробной надписи в Дендере, акцент делается на захоронение бога, а его воскресение лишь подразумевается. Однако этот пробел в документе в значительной мере заполняется серией замечательных барельефов, служащих как бы иллюстрацией к указанной надписи. Ряд сцен изображает бога в гробу спеленатым как мумия, но постепенно он поднимается все выше и выше, пока наконец совсем не выходит из гроба и занимает вертикальное положение между попечительных крыльев верной Исиды, стоящей позади него. В то же время мужская фигура держит перед его глазами *crux ansata*⁴, египетский символ жизни. Трудно более выпукло передать воскресение господне. Впрочем, еще более поучительным является изображение того же события, имеющееся в покоях Осириса в великом храме Исиды на острове Филы. Мы видим мертвое тело Осириса, из которого пробиваются хлебные побеги, и жрец поливает их из кувшина, который держит в руке. Сопровождающая эту сцену надпись гласит: «Таков облик того, кого нельзя называть по имени, таинственного Осириса, появляющегося на свет из прибывающих вод». Этот барельеф и эти слова не оставляют сомнения в том, что Осирис представлен здесь в качестве олицетворения хлеба, который пробивается на полях, оплодотворенных разливом Нила. Такова была, если верить надписи, глубинная сущность этого таинства, понятная лишь для посвященных. Центральным религиозным таинством в Элевсинских мистериях, посвященных Деметре, также был показ сжатого колоса их

⁴ Крукс ансата — «крест с ручкой» — особая форма креста с ручкой-петлей для держания на нижнем конце. Часто встречается на египетских изображениях.

участникам. Теперь становится предельно ясным, почему на великом празднике сева в месяце койак жрецы погребали изображения Осириса, сделанные из глины и зерна. Когда в конце года или через более короткий промежуток времени эти изображения выкапывали, было видно, как из плоти Осириса пробиваются побеги. А это считалось предзнаменованием, точнее, причиной хорошего урожая. Зерно произрастало из тела бога зерна, он кормил народ телом своим и умирал для того, чтобы люди могли жить.

<...>

ГЛАВА XL АТРИБУТЫ ОСИРИСА

Осирис — бог зерна. Рассмотрения этого мифа и ритуала, связанного с Осирисом, думается, достаточно для того, чтобы доказать, что в одной из своих ипостасей этот бог был персонификацией хлеба, который, образно говоря, ежегодно умирает и возрождается вновь. На праздновании его смерти и воскресения, отмечавшемся первоначально в месяце койаке, а позднее в месяце атире, представление о нем как о боге хлеба отчетливо проглядывает сквозь всю торжественную мишуру, которой окутали его культ жрецы позднейших времен. Этот праздник был, скорее всего, праздником сева, то есть приходился на время, когда земледelec бросал в землю зерна. По случаю этого праздника в землю с погребальными обрядами зарывали изображение хлебного бога, изготовленное из глины и зерна. Делалось это для того, чтобы, погибнув, бог мог с новым урожаем возродиться к жизни. Обряд здесь был колдовством, направленным на то, чтобы с помощью симпатической магии обеспечить рост посевов. Можно предположить, что задолго до того, как жрецы взяли это колдовское средство под свою опеку и превратили в возвышенное храмовое действо, египетские крестьяне поголовно прибегали к нему на своих полях. Мы склонны видеть клеточку, из которой развился культ бога хлеба Осириса, в обычае, соблюдаемом современными арабами (но, несомненно, очень древнем), — обычае погребения Старика, то есть снопа пшеницы.

С этим толкованием хорошо согласуются детали мифа об Осирисе. В нем говорится, что Осирис был отпрыском Неба и Земли. Какой еще родословной можно пожелать, богу, вырастающему из земли и оплодотворяемому небесной влагой? Правда, непосредственно египетская земля была обязана своим плодородием не ливням, а разливам Нила, но ее обитатели, должно быть, знали — или по крайней мере догадывались, что великую реку в ее течении питают дожди, выпадающие в глубине страны. Самое прямое отношение имеет к богу хлеба и предание об Осирисе, научившем людей земледелию. Рассказ же о том, что изувеченные останки бога были разбросаны по всей стране и захоронены в различных местах,

можно счесть аллегорией процессов сева и веяния. В пользу такого истолкования говорит предание, которое гласит, что отрезанные части тела Осириса Исида сложила в лукошко. Еще более вероятно, что это предание является отзвуком былого принесения в жертву представителя духа хлеба с последующим закапыванием частей его тела или рассеиванием его пепла в качестве полевого удобрения. Жители современной Европы, чтобы ускорить всходы, иногда разрывают на куски чучело Смерти и зарывают их в землю. Что же странного в том, что жители других частей света аналогичным образом обращаются с людьми? Что же касается древних египтян, то принесение ими в жертву рыжеволосых людей, пепел которых рассеивали затем с помощью веялок, подтверждается авторитетом Манефона⁵. В высшей степени знаменательным представляется также тот факт, что цари приносили эти варварские жертвы на могиле Осириса. Можно предположить, что жертвы эти представляли самого Осириса: в их лице бога каждый год убивали, разрывали на части и зарывали для того, чтобы быстрее поднялись посаженные в землю семена.

Возможно, что в доисторическую эпоху в роли бога выступали сами верховные правители. Сета, как и Осириса, по преданию, разорвали на куски после восемнадцатидневного правления, в память о котором каждый год устраивался восемнадцатидневный праздник. Если верить одному мифу, первый римский царь, Ромул, был разорван на куски сенаторами, которые затем зарыли части его тела в землю. 7 июля, в день, по традиции считавшийся днем его смерти, справляли любопытные обряды, имевшие целью искусственное опыление фиговых деревьев. Существует предание о том, как царь Фив Пентей и царь фракийских эдонян Ликург оказали сопротивление богу виноградной лозы Дионису и как оба нечестивых правителя были разорваны на куски (один — обезумевшими вакханками, а другой — конями). Это греческое предание, скорее всего, является глухим отзвуком времени, когда людей (и прежде всего священных царей), олицетворявших Диониса — бога, который имел много общих черт с Осирисом (в частности, он тоже был растерзан на клочки), — приносили в жертву. На острове Хиос людей, приносимых в жертву Дионису, разрывали на куски, и в них, раз они умирали смертью своего бога, можно с разумным основанием видеть его олицетворение. То же самое относится к фракийцу Орфею, растерзанному вакханками. Знаменательно также то, что Ликурга, царя эдонян, по преданию, предали смерти для того, чтобы бесплодная земля снова стала плодородной.

До нас, кроме того, дошло предание о норвежском короле Гальфдане Черном, чье тело было разрезано на куски и захоронено в различных частях

⁵ Манефон (III в. до н. э.) — египетский жрец и ученый. Составил первую общую историю египетских царей. Установленная им порядковая нумерация 30 династий и деление истории Египта на Древнее, Среднее и Новое Царства сохранились до сих пор.

его королевства для того, чтобы сделать плодородной землю. Под этим королем весной подломился лед, и он утонул в возрасте сорока лет. Вот что, по рассказу древнескандинавского историка Снорри Стурлусона⁶, последовало за его смертью: «Это был самый процветающий (буквально: благословенный изобилием) король. Подданные ценили его столь высоко, что, когда пришло известие о его гибели и тело его было перевезено в Грингарики для погребения, пришли нотабли Раумарики, Вестфольда и Гейтмерка и попросили дать им возможность забрать тело, чтобы похоронить в своей провинции. Они полагали, что это принесет изобилие их краю. В конце концов было принято решение захоронить тело короля в четырех местах. Голову его захоронили в Грингариках, в кургане близ Стейнна, а три остальные части нотабли забрали с собой и, возвратившись домой, предали земле. С тех пор все четыре кургана носят имя Гальфдановых». Не следует забывать, что этот Гальфдан принадлежал к фамилии Инглингов, возводившей свой род к Фрею, великому скандинавскому богу плодородия.

Жители острова Кивай, неподалеку от устья реки Флай (Британская Новая Гвинея), рассказывают предание о колдуне по имени Сегера, тотемом которого была саговая пальма. Когда, уже будучи стариком, Сегера заболел, он сказал людям своего племени, что скоро умрет, но сделает так, чтобы их сады в изобилии приносили плоды. Он научил их, что после смерти его тело надо разрезать на части и зарыть их в садах, а его голову — в его саду. Об этом старике известно, что прожил он дольше обычного и никто не знал его отца. На плодородие саговых пальм он, впрочем, оказал благотворное воздействие, так что островитяне с тех пор не знали голода. Еще несколько лет назад старики уверяли, что в молодые годы знали Сегеру. По единодушному мнению всех жителей Кивай, он умер не более двух поколений назад.

Все эти предания свидетельствуют о том, что обычай расчленять тело короля или колдуна и хоронить его в разных частях страны, для того чтобы обеспечить плодородие почвы, а возможно, и плодовитость людей и животных, имел весьма широкое распространение.

Что же касается человеческих жертв, чей пепел египтяне рассеивали с помощью веялок, то на выбор жертвы, возможно, имел влияние рыжий цвет волос этих несчастных. Ведь быки, которых египтяне приносили в жертву, также должны были иметь шерсть рыжего цвета. Одного-единственного черного (или белого) волоска было достаточно, чтобы сделать животное непригодным для роли жертвы. Если эти жертвоприношения, как я предполагаю, имели своей целью способствовать всходу посевов (в пользу этой гипотезы говорит развеивание их пепла), то и рыжеволосых людей, возможно, выбирали потому, что они как нельзя лучше олицетворяли золотистый дух зерна. Человека, представляющего бога, естественно,

⁶ Снорри Стурлусон (1178-1241) — исландский историк и поэт.

выбирают на основании предполагаемого сходства со священным оригиналом. Поэтому древние мексиканцы, видевшие в маисе личное существо, которое от посева до жатвы проходит весь жизненный цикл, во время посева приносили в жертву новорожденных младенцев, когда же появлялись всходы — то детей более старшего возраста и т.д. до полного созревания маиса, когда наступала очередь стариков. Значение имени Осирис — «посев» или «жатва», поэтому древние авторы иногда выражали мнение, что он олицетворяет дух хлеба.

<...>.

Осирис — бог мертвых. В одной из своих ипостасей Осирис, как мы видели, был правителем и судьей в царстве мертвых. Египтянам, которые не только верили в загробную жизнь, но тратили много времени, трудов и денег на подготовку к ней, эта функция бога должна была казаться не менее важной, чем функция оплодотворения земли. Кроме того, в культе Осириса эти функции тесно связаны между собой. Опуская тела мертвых в могилу, египтяне отдавали их на попечение того, кто из праха мог поднять их к жизни вечной, подобно тому как благодаря этому богу весной прорастают над землей семена. Красноречивым и недвусмысленным свидетельством в пользу допущения такой связи являются набитые зерном статуэтки Осириса на могилах. Эти изображения являлись одновременно символом и орудием воскресения. Так, древние египтяне видели во всходах предзнаменование человеческого бессмертия. И они были не единственным народом, который строил на столь хрупком основании столь величественные надежды.

Бог, который при жизни кормил людей своим изувеченным телом, а после смерти открывал перед ними надежду на вечное блаженство в загробном мире, естественно, занимал в сознании верующих главенствующее место. Неудивительно поэтому, что культ Осириса затмил в Египте культы всех других богов. Он и его спутница Исида стали предметом поклонения всего народа, в то время как культы других богов носили региональный характер.

ГЛАВА XLIV ДЕМЕТРА И ПЕРСЕФОНА

Дионис был не единственным греческим божеством, чей трагический миф и ритуал отражают увядание и возрождение растительности. В новом обличье тот же древний миф дает себя знать в предании о Деметре и Персефоне. В своей основе он идентичен сирийскому мифу об Афродите (Астарте) и Адонисе, фригийскому мифу о Кибеле и Аттисе, египетскому мифу об Исиде и Осирисе. В греческом мифе, как и в его азиатском и египетском прототипах, богиня оплакивает потерю возлюбленного, который персонифицирует растительность (прежде всего злаковые культуры),

умирающую зимой и возрождающуюся весной. Разница заключается просто в том, что восточная фантазия рисовала покойного бога возлюбленным или мужем, которого оплакивает его возлюбленная или жена, а воображение греков воплотило ту же идею в более чистой, задушевной форме: умершую дочь оплакивает ее скорбящая мать.

Древнейшим письменным памятником, в котором содержится миф о Деметре и Персефоне, является прекрасный гомеровский гимн Деметре, который специалисты датируют VII веком до нашей эры. Гимн имеет намерение объяснить происхождение Элевсинских мистерий, а то, что в нем ни словом не упоминается об Афинах и афинянах, которые в более позднюю эпоху принимали активное участие в этих празднествах, дает основание отнести гимн к глубокой древности, когда Элевсин еще представлял собой небольшое независимое государство. В гимне под тонким покрывалом поэтических образов явственно просматриваются представления его автора о природе и функциях обеих богинь — Деметры и Персефоны.

Девушка Персефона, гласит гимн, собирала на свежем зеленом лугу розы и лилии, гиацинты и нарциссы, крокусы и фиалки. Вдруг земля под ней разверзлась, и Плутон, царь мертвых, возникнув из бездны, умчал ее в своей золотой колеснице и сделал царицей мрачного подземного мира. Ее скорбящая мать Деметра, скрыв свои пшеничные косы под траурным одеянием, искала Персефону по всему свету и, узнав о судьбе своей дочери от Солнца, в глубоком возмущении удалилась от богов и нашла себе убежище в Элевсине. Там она предстала перед царскими дочерьми в образе старухи, в печали сидящей в тени оливкового дерева рядом с колодцем девы, к которому благородные девушки пришли по воду с бронзовыми кувшинами в руках. Разгневанная понесенной утратой, богиня не давала посевам прорасти и поклялась, что ноги ее не будет на Олимпе и побеги не прорастут до тех пор, пока ей не возвратят дочь. Тщетно волею туда-сюда таскали плуги по борозде, тщетно сеятель бросал в коричневые борозды ячменные зерна — ничто не всходило на иссохшей, комковатой земле. Бесплодной была даже Рарийская долина рядом с городом Элевсином, на котором обычно волновались спелые желтеющие колосья. Люди вымерли бы от голода, а боги лишились бы своих жертвоприношении, если бы не на шутку обеспокоенный Зевс не приказал Плутону вернуть Деметре украденную Персефону. Суровый хозяин царства мертвых с улыбкой повиновался, но, прежде чем на золотой колеснице отослать свою королеву в верхний мир, он дал ей съесть зерно граната, чтобы Персефона вернулась к нему. Но Зевс оговорил, что с этих пор две трети каждого года Персефона будет проводить в верхнем мире в обществе богов и своей матери, а одну треть — в нижнем мире со своим мужем (оттуда она будет уходить, когда земля покрывается весенними цветами). Дочь в радости вернулась к свету солнца, и мать с ликованием бросилась ей на шею. Придя в восторг по случаю возвращения пропавшей дочери, Деметра заставила посева пробиться из-под комьев вспаханной

земли, тут же отяжелевшей под покровом листьев и плодов. Богиня показала это отрадное зрелище царю Келею и царевичам Триптолему, Эвмолпу и Диоклесу; больше того, она открыла им свои священные обряды и мистерии. Блажен, по словам поэта, смертный, которому довелось узреть такое. Но тот, кто не приобщился к этим таинствам при жизни, и после смерти, сойдя во мрак могилы, не обретет счастья. Затем обе богини удалились на Олимп, где в блаженстве проводят свой жизнь боги. Рапсод заканчивает гимн благочестивым молением, обращенным к Деметре и Персефоне, в котором просит в награду за песнопение даровать ему средства к жизни.

Главная задача, которую поэт поставил перед собой в этом гимне, — передать предание об основании Элевсинских мистерий богиней Деметрой. Кульминацией гимна является сцена преобразования природы. По мановению богини голые пространства Элевсинской равнины вдруг покрываются безбрежным ковром спелого зерна. Благодетельная богиня демонстрирует содеянное членам элевсинского царского рода, обучает их сакраментальным обрядам и вместе со своей дочерью возносится на небеса. Триумфальным заключительным аккордом этого мифа является откровение таинств. Этот вывод подтверждает и детальный анализ содержания поэмы. Он показывает, что поэт дал не просто общее описание основания Элевсинских мистерий, на более или менее туманном мифологическом языке он дал объяснение происхождения частных обрядов, которые (придерживаться этого мнения у нас есть веские основания) являлись важными составными частями праздника Деметры. В числе обрядов, на которые поэт многозначительно намекает, — предварительный пост для всех посвящаемых; факельное шествие; всенощное бдение; обычай сажать новопосвящаемых, которые должны быть скрыты от взоров и хранить молчание, на скамейки, покрытые овечьей шкурой; использование бранных выражений: отпускание непристойных шуток и, наконец, торжественное приобщение к богине глотком ячменного отвара из священной чаши.

Впрочем, в ходе повествования автор гимна разгласил еще более глубокую тайну Элевсинских мистерий. Он рассказывает о том, как, едва преобразив бесплодные коричневые пространства Элевсинской равнины в золотящееся хлебное поле, богиня поспешила порадовать зрелищем растущих или уже выросших колосьев взоры Триптолема и других элевсинских царевичей. Сравнив эту часть гимна с сообщением Ипполита (христианского автора, жившего во II в. н.э.) о том, что суть мистерий сводилась к показу верующим сжатого хлебного колоса, мы, несомненно, придем к выводу, что сочинитель гимна был хорошо знаком с торжественным ритуалом и сознательно стремился объяснить его происхождение так же, как другие обряды мистерий, то есть исходил из того, что Деметра на личном примере показала, как надлежит отправлять этот обряд. Миф и ритуал, таким образом, полностью согласуются друг с другом. Поэт VII века до нашей эры мог передать нам только миф — разглашение

ритуала было в его глазах святотатством. Зато ритуал раскрывает нам один из отцов христианства, свидетельство которого находится в полном соответствии с глухими намеками, содержащимися в древнем гимне. В общем вместе со многими современными учеными можно согласиться с мнением эрудированного отца христианства Климента Александрийского⁷, который полагал, что в качестве священного представления на Элевсинских мистериях разыгрывался миф о Деметре и Персефоне.

Но если этот миф был составной — а возможно, даже центральной — частью самого знаменитого и самого возвышенного религиозного культа Древней Греции, то возникает следующий вопрос. Каково первоначальное ядро этого мифа, если освободить его от позднейших наслоений, — мифа, представшего взорам потомков в ореоле таинственного ужаса, которым исполнены творения блестящих светил античной литературы и искусства? На этот вопрос нетрудно ответить, если принять во внимание сведения, содержащиеся в древнейшем литературном источнике — в гомеровском гимне, посвященном Деметре. По крайней мере, этот гимн разрешает наши сомнения относительно Персефоны — дочери Деметры. Три месяца — по другим сведениям, шесть месяцев — эта богиня проводит в подземном царстве мертвых, а остальную часть года — среди живых людей в подлунном мире; в отсутствие этой богини ячменные зерна скрыты в земле, а голые поля лежат под паром; с ее возвращением земля одевается листьями и цветами, начинают пробиваться ростки. Конечно, мифическая Персефона является аллегорией растительности (прежде всего злаковых культур), каждую зиму проводя несколько месяцев под землей, а весной вместе с пробивающимися стеблями, распускающимися цветами и листвой возвращаясь к жизни. Едва ли есть другое, более правдоподобное объяснение образа Персефоны. А если богиня-дочь служила олицетворением прорастающего зерна будущего урожая, то не могла ли богиня-мать персонифицировать зерно прошлого урожая, давшее жизнь молодому зерну? Единственной альтернативой такому представлению о Деметре является гипотеза, согласно которой эта богиня является олицетворением земли, из чьей широкой груди пробиваются зерно и другие растения. Некоторые древние и новые авторы действительно придерживались мнения, что изначальная природа Деметры была именно такова. В пользу данного воззрения можно привести сильные аргументы, но автор гомеровского гимна явно не разделял этот взгляд. Он не только не считает Деметру персонификацией земли, но и с максимальной резкостью противопоставляет их друг другу. По его мнению, именно Земля в согласии с волей Зевса в угоду Плутону заманила Персефону на верную гибель тем, что вырастила нарциссы, которые прельстили юную богиню, и в поисках их она забрела далеко в цветущие луга, так что никто уже не мог ей помочь. Таким

⁷ Климент Александрийский (ок. 150 — ум. ок. 250) — христианский богослов, один из «отцов церкви».

образом, Деметра из гомеровского гимна не только не тождественна богине земли, но, должно быть, считала эту богиню своим злейшим врагом, потому что из-за ее предательских козней она лишилась дочери. Если же Деметра не была персонификацией земли, нам не остается ничего иного, как предположить, что она была олицетворением зерна.

Последний вывод подтверждается памятниками древнего искусства. Античные художники изображали как Деметру, так и Персефону, этих богинь хлеба, с коронами из хлебных колосьев на головах и со снопами в руках. Тайну выращивания хлеба афинянам, согласно мифу, открыла все та же Деметра. При содействии Триптолема этот бесценный дар стал достоянием всего человечества. На памятниках изобразительного искусства, особенно на росписях ваз, вестник Триптолем неизменно изображен вместе с самой Деметрой. При этом богиня или стоит рядом с ним со снопом в руке, или восседает на своей колеснице. В одних случаях — это крылатая колесница, а в других — влекомая драконами. Пролетая на этой колеснице по воздуху, Триптолем, по преданию, засеял семенами весь мир. В благодарность за это бесценное благодеяние многие греческие города в течение долгого времени посылали Деметре и Персефоне в Элевсин первины ячменя и пшеницы. Там для хранения поступающих в изобилии приношений были выстроены подземные амбары. У Феокрита⁸ есть рассказ о том, как крестьянин на острове Кос благоуханным летом приносил первины урожая в дар Деметре, наполнившей ячменем его гумно. В селах богиню изображали держащей в руках снопы и маки. Многие из эпитетов, которыми древние наградили богиню, убедительно свидетельствуют о тесной связи Деметры с зерном,

О том, насколько глубокие корни пустила в Древней Греции вера в Деметру как в богиню злаков, можно судить хотя бы по тому, что в древнем Элевсинском святилище она просуществовала у их потомков-христиан до начала XIX столетия. Так, когда Элевсин посетил английский путешественник Додуэл, жители города горько жаловались ему на потерю колоссальных размеров статуи Деметры, которую в 1802 году вывез Кларк (он принес ее в дар Кембриджскому университету, где она хранится до сих пор). «Во время моего первого путешествия, — вспоминает Додуэл, — культ этой богини находился в полном расцвете. Среди руин ее храма, в самой середине гумна, стояла статуя богини. Деревенские жители были уверены, что собираемые ими обильные урожаи шли от щедрот этой богини, а с ее вывозом, уверяли они меня, изобилию пришел конец». Итак, через девятнадцать столетий после рождения Христа статуя богини злаков Деметры продолжает стоять на току в Элевсине и «одаривать» верующих зерном, как она делала это на острове Кос во времена Феокрита. Возможно ли привести более веское доказательство того, что Деметра действительно

⁸ Феокрит (конец IV в. — первая половина III в. дон. э) — древнегреческий поэт.

была богиней злаков, чем вера греков (они сохранили ее и в новое время) в то, что урожай зависит от щедрости этой богини и погибает, если ее статую вывозят?

В общем, если пренебречь всяческими теориями и придерживаться исключительно фактов, сообщенных нам об Элевсинских мистериях древними авторами, то, вероятно, придется согласиться с мнением ученейшего знатока античных древностей римлянина Варрона. Он, как передает Блаженный Августин, «считал, что Элевсинские мистерии целиком посвящены хлебу, открытому Церерой (Деметрой), и похищению Прозерпины (Персефоны) Плутоном. Прозерпина же, по его мнению, олицетворяет плодородие семян. Неурожаи некогда заставили Землю оплакивать свое бесплодие и породили представление о том, что дочь Цереры, то есть само плодородие, была похищена Плутоном и задержана им в подземном царстве. Когда люди стали открыто сетовать по этому поводу, к ним вновь вернулось изобилие. По случаю возвращения Прозерпины воцарилась радость и были учреждены священные обряды. После этого он (то есть Варрон) сообщает, что во время мистерий учили многому, что имеет отношение исключительно к открытию земледелия».

До сих пор я исходил преимущественно из представления о том, что Деметра и Персефона, олицетворяющие соответственно прошлый и будущий урожай зерновых, — это одно и то же. Данное представление о единстве матери и дочери подкрепляется их изображениями в греческом искусстве, которые часто ничем не отличаются друг от друга. Портретное сходство изображений Деметры и Персефоны решительно не вяжется с мнением о том, что они служили олицетворениями двух столь различных и легко отличимых друг от друга вещей, как земля и произрастающая на ней растительность. Если бы греческие мастера придерживались такого мнения, они, конечно, нашли бы художественные образы, в которых проявилось бы глубокое различие между этими богинями. Но если Деметра не была олицетворением земли, то, подобно своей дочери, она, несомненно, олицетворяла хлеб, который греки со времен Гомера так часто называли ее именем. В пользу тождественности дочери и матери говорит не только большое сходство их художественных образов. Известно, что в великом святилище в Элевсине к ним обоим без особого различения их индивидуальных свойств и атрибутов постоянно применяли титул «две богини», как будто они обе являются воплощением некой единой божественной субстанции.

Из совокупности имеющихся данных мы вправе заключить, что в сознании рядового грека эти богини были прежде всего олицетворениями хлебных злаков и что в таком представлении о них, как в клеточке, заключен будущий расцвет их культа. Такое утверждение не означает отрицания того, что в процессе многовекового развития религии на это элементарное представление наложились высшие моральные и интеллектуальные

соображения, расцветшие более пышным цветом, чем пшеница или ячмень. Образ зерна, которое зарывают в землю для того, чтобы оно возшло для новой, высшей жизни, естественно, вызывал в сознании людей аналогию с человеческой судьбой и укреплял в людях надежду на то, что и для человека за гробом, в неизвестном мире, излучающем высшее сияние, начнется лучшая, более счастливая жизнь. Одного этого простого аргумента совершенно достаточно для того, чтобы объяснить связь Элевсинской богини хлеба с таинством смерти и с надеждой на вечное блаженство. В подтверждение того, что посвящение в Элевсинские мистерии древние рассматривали как ключ к вратам рая, можно привести замечания относительно блаженства, которое уготовано посвященному в загробном мире, оброненные хорошо осведомленными авторами. Мы, конечно, отдаем себе отчет в неубедительности логических аргументов, на которых древние основывали столь возвышенные чаяния. Но тонущий, как известно, хватается за соломинку, и не стоит удивляться тому, что греки, понимая неизбежность смерти и питая, подобно нам, великую любовь к жизни, не взвешивали слишком долго аргументы «за» и «против» бессмертия человеческой души. Ход рассуждения, который удовлетворял святого Павла и приносил утешение в горе бесчисленным христианам, стоявшим у смертного ложа или у отверзтой могилы дорогих им людей, мог сгодиться и для античных язычников, склонявших свои головы под бременем скорби или с догорающей свечой жизни в руках вглядывавшихся в ожидающий их неведомый мрак. Миф о Деметре и Персефоне является одним из немногих мифов, где солнечную ясность греческого гения затмила мрачная тень смерти. Поэтому, выводя данный миф из самых что ни на есть привычных природных процессов (из мрачного осеннего увядания и свежести весенней зелени), никогда, впрочем, не теряющих силу своего воздействия на человека, мы никоим образом не преуменьшаем его значения.